

Солдат Бабочкин получил извещение о посылке. На душе сразу стало как-то веселее. Даже забылся разнос начальника приёмо-передающего центра за беспорядок в дизельной, где Володя проходил службу в должности старшего дизелиста.

В присланном накануне письме мать сообщала, что постаралась учесть все пожелания сына при сборе посылки. Ну, или большую их часть, так как Вовкин список желаемого не умещался в коробку. Жила мать далеко, да и хворала часто, поэтому не могла навещать к нему, как другие родители, и провозить домашних вкусностей тоже не имела возможностей. Разве что посылками...

Получив извещение, Бабочкин деловито и аккуратно сложил его и спрятал в бумажник. Он наивно думал, что информация о посылке — дело сугубо интимное, деловой секрет между ним и почтальоном, рядовым Захаровым.

Но понял, что ошибся, встретив в курилке Щербакова из второй роты.

— Ну, Бабочка, слышал, посылка тебе пришла, — начал издали рядовой Щербаков.

Вовка покосился на него, жестом попросил поделиться сигаретой и буркнул:

— Ну. И чего?

— Да вот я тут подумал... Я за тебя “на тумбочке” неделю назад отстоял. Значит, должок у нас с тобой образовался.

Деревенский, основательный и самолюбивый Бабочкин даже крикнул от досады. Он терпеть не мог долгов.

— Я ж сказал, что схожу за тебя.

— Не, дружбан. Меня послезавтра в учебный центр на три месяца отправляют. Так что никак. Сам понимаешь.

Бабочкин понял, что от долга не отвертеться.

— Ладно, завтра вечером подходи.

— Базара нет! Я конфеты очень уважаю. Шоколадные.

Посылка — такая возбуждающе таинственная и манящая, как учительница русского языка Валентина Георгиевна в их деревенской школе, — казалось, потеряла свою девственность из-за грубых домогательств Щербакова.

В казарме после обеда было тихо. Новый наряд по батальону уже дрых, завернувшись в одеяла с головой, и потому походил на огромных куколок. Вечерняя дежурная смена на радицентр тихо ковырялась в бытовой комнате, наводя марафет перед отбытием на техническую зону.

Бабочкин сунулся в каптёрку с целью выпросить у сержанта Добренького вещмешок для переноски драгоценной посылки.

— Вован! Друг! — встретил его Добренький, словно родного. — Как жизнь? Как настроение?

Бабочкин насторожился, потому что Добренький обычно устраивал ему выволочки за неаккуратное обращение с обмундированием и вообще недолбливал за прижимистость и упрямство.

— Нормальное настроение, — нахмурился Вова и обречённо прислонился к косяку. — Мне бы вещмешок, Ген.

— А! Вещмешочек, значит? Зачем? — благодушно поинтересовался сержант, откинувшись на спинку стула.

Бабочкин ощутил, что с ним играют, словно кошка с мышкой.

— Принести надо кое-что.

— Что, откуда и куда? Не могу же я просто так, с бухты-барухты выдавать казённое имущество. Меня старшина за это живьём съест. И не подавится.

— Ну, посылку принести с почты.

— Посылку? Хоррррошее дело, Вован! Чудесное! Небось, сальце-то мамка прислала?

— Не знаю, — буркнул Вова. — Надо посмотреть.

— А скажи мне, Бабочка, помнишь ли ты тот солнечный день, когда ты слёзно просился в наряд по столовой, чтобы не ехать на разгрузку угля? И как я за тебя словечко старшине замолвил?..

Драгоценное содержимое посылки, которой он ещё даже не видел, таяло на глазах. Бабочкин делиться не любил, и все это знали. Но жить в коллективе совсем одному, совсем без чьей-то помощи — гиблое дело. Тонкое переплетение “долгов” и “услуг” казалось таким естественным, что почти никто ни о чём не напоминал. Просто оно сидело в памяти и побуждало к ответу по доброй воле.

Бабочкин видел, как другие ребята, которым приходили посылки, делили почти всё съестное в столовой между собратями-сослуживцами. И за это их не благодарили, а принимали, как подарок, — с радостью. Так было надо. И так было правильно. Рядовому Бабочкину это казалось глупым, хотя он и сам не отказывался от кусочка сухой колбаски, конфет, варенья, достававшихся от раздела чужой посылки.

А вот свою посылку Вове было жалко. Своё же! Кровное...

На следующее утро рядовой Бабочкин сходил на почту и получил весомую, хорошо упакованную коробку, на которой материным почерком был написан адрес его воинской части. Скрепя сердце, он “отоварил” должок Щербакову и Добренькому. А потом трусцой двинулся на техзону к дизельной. Имелась у него там “нычка” надёжная, никому, как ему казалось, не известная, — в кабельной шахте. Нашёл он её сам, приладил ящичек закрывающийся. Стоило только открыть люк, нырнуть туда, нашарить крышку и достать необходимое... Здрóво!

В дизельной развилкой Вовку от тепла. Пахло родной соляной, к которой Бабочкин был привычен ещё в совхозе на машинном дворе.

Поздоровавшись с салагой, которого ему следовало сменить вечером, Вовка пристроился в дежурке у окна и развернул письмо от матери.

“Дорогой сыночек мой Володенька! Сразу хочу спросить: как здоровье твоё, как кушаешь, не обижают ли тебя командиры? Напиши ещё, как дошла ли до тебя посылочка. Конфет “Мишки” у нас в магазине не было и “Грильяжа” тоже. Купила “Алёнку” и “Арахисовых”. Мыла хорошего дорогого тебе прикупила и одеколону. В город даже ездила. Такого, как ты хотел, у нас не было. Зарплату нам в этом месяце хорошо насчитали, и потратила почти всё. Сальце и колбаску передала тебе тётя Люба. Какое ты любишь. С тмином. Должны хорошо дойти. Не испортится. Печенье положила и пряников. Медку и малинового варенья уложила в старый дедов носок, чтобы не побились. Ты уж отпиши, не треснуло-то? Тётя Люба привет тебе большой передавала. Всё охает, что такой был маленький, а уж солдат...”

Дальше на двух страничках из ученической тетрадки шли мамкины всхлипывания, приветы от родственников и просьбы слушаться командиров. Читать их Вовка не стал. Всё одно и то же. Перечёл только список присланного в посылке. Мало ли. Почтари эти — народ ушлый. Глаз за ними да глаз... В маленьком конвертике нашёл и несколько купюр, которые с удовольствием спрятал в грязный старый бумажник.

Из экономии Бабочкин даже не покупал сигарет, предпочитая “стрелять” их у сослуживцев. Деньги все откладывал. Расписываясь в ведомости за солдатское своё немудрёное жалованье, тут же сдавал старшине на хранение. В долг не любил сужать. Если просили, молча вытаскивал бумажник и красноречиво обнажал его пустое сальное нутро — на, мол, бери, сколько найдёшь. Да у него и не просили. “Жилка ты, Бабочка”, — легонько корили Вовку солдаты, частенько подтрунивая над невиданной его прижимистостью. У него даже мобильного телефона не имелось — всё просил позвонить у других.

...Время к ужину подкатилось быстро. Идя в строю к столовой, Бабочкин уже представлял себе, как вечером, когда останется один на дежурстве в дизельной, вскипятит чайку, вытащит из “нычки” баночку своего любимого варенья да заточит с горбушкой белого ноздреватого столового хлеба. Ну, может, и колбаски чуток. Самую малость. Чтобы надолго хватило. Сальце-то уже ополовинил сержант Добренький...

Войдя в столовую и получив свою порцию, Бабочкин со своим подносом хотел уже было сесть за стол, но замер.

Щербаков и Добренький, посмеиваясь, делили на всех “должок”, который сами же истребовали с него утром. А на краю стола Вовка увидел... свою посылку. На коробку, которую он спрятал в дизельной днём, казалось, никто внимания не обращал. Но она бросалась в глаза так явно, так обличительно, что ярость уступила место жгучему, ядовитому стыду, которого Вовка не знал до сих пор.

— Садись, Вован! — подвинулся Добренький, похлопав по скамейке. — Классное сальце! И конфетки — самое то к чайку!..

Бабочкин медленно сел, вздохнул глубоко и полез в коробку. На столе появились домашняя колбаска, пряники, печенье, варенье. Угощение было встречено одобрительным рёвом солдат. Вовка, красный и молчаливый, кромсал ножичком колбасу и сало, чтобы всем досталось.

...Ему не припоминали потом эту злосчастную посылку. Но сам-то Вовка Бабочкин помнил. И всякий раз смуглые его щёки горели.